

израчное, инициальный враг стать пла-
тага настоящего. А ничего опасного
имеетъ быть не можетъ.

себой разумѣется, близость фрон-
тира есть быть на-сторожъ-
евая служба, зоркая и чуткая,
когда врагъ хочетъ использовать
нее переходное состояніе,—такая
составляетъ нашу обязанность. Но
и умѣство напряженное внима-
тельку неумѣстна и реувѣл и
а тревога. Она—плохой союз-
ной нужно противопоставить трез-
вость и твердость революціонной

возванія морского и воинскаго ми-
обращеніемъ къ гражданамъ и
указывается на великую опас-
тожающую намъ. Съ одной сто-
рого на Сѣверномъ фронте накап-
ли и боевые припасы. Съ дру-
гоградъ и его окрестности навод-
германскими шпионаами. Двусторон-
ность должна быть отражена, во
свободы, которая начертана на
новой Россіи.

ная власть, т. е. Временное Прав-
ительство, обладающее надлежащей
ленностью и надлежащими сред-
ствами для взятія на себя задачу та-
раженія. Это—вѣнъ сомнѣній. Но
безспорно, что, поскольку рѣчь о
и здравости обращена къ населен-
емъ котораго кишатъ «германскіе
», постольку оно вправѣ ожидать,
борьбы съ такого рода внутренней
только будуть применены и новые
новые методы.

живъ тайной разведкой врага, гово-
рь возванія министра, нужно вести
разведку. Бессспорно. Новая власть
должна допустить, чтобы среди насъ
и темы силы Вильгельма. Также
на, по тѣмъ необходимъ та бѣз-
изнепна, чистая постановка
которая плохо уживается съ преузе-
мъ тревогой, питающейся слухами.
ю приходитъ и должно приходить
мъ, напримеръ, то состояніе
разведки, съ которымъ хлыпъ за-
ко днѣй до революціи насытъ ознак-
отъ бы процессъ Машасевича-Ма-
з.

рь-разведка старого режима была
лько разведкой, сколько сыскомъ,
головнымъ и преступнымъ. Она
шаникъ. Въ ея сѣти попадали не
«агенты Вильгельма, а «явные»
шавочки, которыхъ столь нуж-
но освободить даже Николай Романовъ,
вѣнъ ядовитую по нѣмъ дѣлу разо-
вѣтъ.

Но развѣ жертвы сыска былого
не объявлялись шпионами, кото-
реодѣваются «во вскую форму»,
и могутъ и волную «робкихъ»
и, которые, словомъ, ответствен-
наши собственные неудачи, за на-
хѣшную разрушу?

выдавайте тайну обороны». Кто
тъ споритъ противъ этого требованія?
внимательны! Будемъ осто-
тъ! Какъ часовые на постахъ. Испол-
олгъ, къ которому настъ призваетъ
Временное Правительство.
нашаго народнаго добѣріемъ. Но бу-
также твердо помнить, что мы
и быть «часовыми» нашей новой
ответственности, которую подстерега-
нутренние шпионы, перегдѣты «во
форму», скрывающіеся подъ раз-
вѣтами и запятнами.

не знаемъ и не беремся судить, въ
степени «темныхъ силы Вильгельма»
и волную «робкихъ и слабыхъ».
Петроградъ и его окрестности на-
ши германскими шпионами, то это
давнило происхожденія. Они не
остается только удивляться, какъ
з переломила за два съ лишнимъ
онтъ-разведочная служба. Но мы
увѣрены, что быть «темными силы»
реакціи работаютъ и сѣть сму-
волнуютъ «робкихъ и слабыхъ», и
мъ увеличиваютъ тревогу, на-
на возвратъ къ старому.

вычалила сложность и тѣснѣсть за-
выпавшей на новую власть въ па-
трану, очевидна. Сугубое вниманіе
оправдываетъ всѣ тѣ возванія, съ
ними Временное Правительство обращ-
и къ населенію, къ «гражданамъ»
и. Можно только привѣтствовать
зарождѣніе, въ которыхъ новая власть
своими заботами и намѣреніями
населеніемъ, призываю его быть участ-
никомъ нового устроенія родины, защиты
и внутри.

такимъ образомъ, какъ старое прав-
ительство не желало допустить естествен-
ной эволюціи политического строя Россіи
и своеобразными осуществлениемъ не-
обходимыхъ реформъ предупредить рево-
люцію, въ вихрь которой погибло все,
такъ точно и наша церковная іерархія
своей длительной поддержкой старого ре-

изложилъ только одно изъ положеній, сообщая ей господствующее положеніе и государственное значение. Только одна эта реформа, участвуя въ государствѣ право-
вой пропаганды, только принадлежность къ ней сообщаетъ полноту политическихъ и гражданскихъ правъ. Всѣ же остальные церкви и религіи признаются только тер-
пимы.

Само собою понятно, что такая «тер-
пимость» заключаетъ въ себѣ элементы
милости и смиренія со стороны кон-
фессионального государства къ «ересямъ»
и «расколамъ». Но эта смиренітельность
совершенно несомнѣмѣца съ тѣмъ прин-
ципомъ всеобщаго равенства безъ различия
сословий, выработанный и на-
ционального происхожденія, который уже
возведенъ новымъ Правительствомъ въ
его программѣ и логически вытекающа изъ
основного начала—народнаго суверенитета, на которомъ спирится всѣ современ-
ные демократические государства.

Выѣтъ съ тѣмъ современное правовое
государство съ своимъ устройствомъ и управ-
лениемъ въ цѣнѣ и задачахъ своей дѣ-
ятельности стремится быть вполнѣ ра-
циональнымъ, поэтому въ цѣломъ оно не
можетъ исповѣдывать никакой религіи,
къ метафизического, аграционального
мировоззрѣнія, чому особенно способ-
ствуетъ то, что при разнотечности и
разнообразности разнообразныхъ между собой
правъ государства оно не можетъ
сдѣлать выбора между тою или иною ре-
лигіей и объяснять ее единственное истин-
ное.

Такимъ образомъ, въ резулѣтѣ раз-
вѣтывающихся событий нужно ждать,
что Россія перейдетъ къ полной свободѣ
свободы и свободѣ культовъ.

«Князья церкви» слишкомъ долго пре-
смыкались передъ князьями міра сего. Они
кончунѣнно играли слишкомъ высокими,
слишкомъ священными предметами. Пришла пора кончить эту почистую игру.

Свободная церковь—въ свободномъ го-
сударствѣ.

Синодальная іерархія слишкомъ долго
поддерживала все гнилое, все темное, все
большое и большемъ объемъ. Дѣло дошло
до того, что уставъ уголъ судопр.,
допустилъ замѣту присяги въ религіозной
формѣ простымъ обѣщаніемъ показать
прѣдѣлъ, что оставало низаніе даже
атеизма, хотя и въ скрытой формѣ. Но
когда на это указывалось, то наша цер-
ковная іерархія только хмурилась и ни
за что не хотѣлаѣть изъ этого обсто-
ятельства никакихъ иныхъ вызововъ.

За то теперь іерархія отказалась предъ
задачей гораздо болѣе трудной и постыд-
ствіемъ для нея гораздо болѣе тягостными,
тѣмъ то было раньше, до паденія ста-
рого строя.

Стремлѣніе русскаго народа къ полити-
ческой свободѣ, прозвленное имъ въ се-
годніе, не вчера, а еще со временемъ избра-
нія Михаила Федоровіча на престоль, въ
кондїціяхъ Анна Іоанновна, въ движеніи
декабристовъ, въ губѣтѣ 1-го марта и,
наконецъ, въ революціи 1905 г. повидель-
но требовало отъ церковной іерархіи,
чтобы все духовенство категорически и
прямо отказалось отъ своей идеальной славы
со старымъ режимомъ, отъ своей служеб-
ной роли по отношенію къ нему. Иерархія
должна была настаивать на томъ, чтобы
система государственной церковности,
какъ унитарная и не только для терпимыхъ
и прѣдѣлъ, но и для самого православія,
была уничтожена и замѣнена другой системой—государственного наль
церквами верховенства, которая могла бы
возвратить православной церкви ея вну-
треннюю независимость, ея самобытность
и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить для нея какъ
для вѣры 70 проц. всѣхъ русскихъ гра-
жданъ, необходимое и справедливое вни-
мание и покровительство со стороны госу-
дарства. Но наша іерархія, напуганная
учрежденіемъ въ 1906 г. Г. Думы, подни-
миться которой она ни за что не желала,
гораздо охотѣ предпочтала, чтобы со-
хранилась безъ всякаго ущерба система
государственной церковности, и чтобы въ
Россіи, вмѣсто православной церкви, какъ
независимаго въ своихъ внутреннихъ дѣ-
лахъ юридического института, существова-
ло вѣдомство православнаго исповѣданія,
какъ части госуда рственна го
устроенія и управления.

Собаки подъ кухонной лавкой
Сражаться не станутъ за кость,
И волки росистою травкой
Насытятъ голодную злость.

Все то, что мечтало дѣять,
И сонамъ задумчивыхъ жень,
Въ веселіи сердца мы встрѣтимъ,
Участники лучшихъ временъ.

ФЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

— Такъ почему же?

Въ холодномъ, прокаленномъ морозомъ,
воздухъ сухо, коротко и зловѣще стукнула
орудійный выстрелъ.

— Началось!

Неподвижно въ ожиданіи стояли изси-
ни-морозные дома, бѣлыя занедѣвѣши
церкви, терялись холодныя голубатыя
улицы.

И по этимъ улицамъ, сколько глазъ
хватали, тянулись къ заставамъ бабы,
мужики, подростки, волоча за собой на-
битыя скарбомъ салазки, несли на плечахъ
узы, вели за красные холодные ку-

лоды, вѣсилъ головы въ цѣнѣ
свобода, но свобода церкви
не въ томъ, чтобы она была отдана раб-
амъ лукавымъ, наперстникамъ разрѣта-
тамъ служникамъ самовластія и предате-
лямъ.

Подъ синодскимъ игомъ, подъ чернымъ
игомъ стонетъ все русское съ цѣнствомъ.
Прежде всего храмъ долженъ быть освое-
нъ отъ торгующихъ въ немъ рабо-
тѣщихъ царедворцевъ, отъ святотатцевъ,
оскверняющихъ святое имя Христово, отъ
людей, кощунственно излѣвавшихъ надъ
святыми тернового вѣнца, отъ тѣхъ,
которые всегда готовы были благословить и
лобызить окровавленную руку палача и
чей голосъ никогда не поднимался въ за-
щиту невинной жертвы.

Мы вѣримъ, что въ православной цер-
кви найдутся живыя силы, найдутся чи-
стые руки, которымъ вѣнчавшіе переда-
дуть власть не полицейскую, а ту власть,
которая не отъ міра сего.

Да, нынѣшніе іерархи не могутъ ини-
циировать въласть, выдвинутой великой
русской революціей. Не нужно отъ нихъ
показного професіонального смиренія
на лицемѣрія. Ихъ положеніе въ новой
свободной Россіи дѣйствительно безвыходно,
если не признать единственный воз-
можный выходъ: выходъ въ отставку,
уходъ на покой. Теперь нѣть и не будетъ
власти, невѣроющаго циника, вродѣ
Побѣдоносцева, который держалъ ихъ подъ
своей пятой. Пусть чѣтъ, и вѣроятная
Русь найдетъ пути для освященія и очи-
щенія оскверненнаго храма. Вѣроятіе
сумѣютъ освободить церковь отъ полицей-
скихъ наслѣдій, отъ инквизиторскаго
клерикального лука, отъ всѣхъ извращен-
ій и отъ всего распутства.

«Князья церкви» слишкомъ долго пре-
смыкались передъ князьями міра сего. Они

кончунѣнно играли слишкомъ высокими,
слишкомъ священными предметами.

Пришла пора кончить эту почистую игру.

Свободная церковь—въ свободномъ го-
сударствѣ.

Синодальная іерархія слишкомъ долго
поддерживала все гнилое, все темное, все
большое и большемъ объемъ. Дѣло дошло
до того, что уставъ уголъ судопр.,
допустилъ замѣту присяги въ религіозной
формѣ простымъ обѣщаніемъ показать
прѣдѣлъ, что оставало низаніе даже
атеизма, хотя и въ скрытой формѣ. Но
когда на это указывалось, то наша цер-
ковная іерархія только хмурилась и ни
за что не хотѣлаѣть изъ этого обсто-
ятельства никакихъ иныхъ вызововъ.

За то теперь іерархія отказалась предъ
задачей гораздо болѣе трудной и постыд-
ствіемъ для нея гораздо болѣе тягостными,
тѣмъ то было раньше, до паденія ста-
рого строя.

Давно уже отмѣчено, что въ формаль-
номъ пѣвѣрѣ русской интеллигентіи было

больше истиннаго религіознаго паоса,
больше литургической святости чѣмъ во
всей нашей казеной обезличенной цер-
ковности.

Эта казенная церковность отталкивалась
отъ официальной церкви всѣхъ искреп-
шихъ людей.

Церковь слишкомъ долго не могла су-
ществовать безъ полиціи. Теперь упразд-
нена старая полиція и неизбѣжно будетъ
устранена старая полицейская, чиновная
церковность. Религія перестанетъ быть
казеннымъ кощунствомъ, а служители
церкви перестанутъ быть казенными чи-
новниками и прислужниками темныхъ
силъ.

И теперь, когда я смотрѣю на чёрное
людское море съ желѣзными пятнами
лицъ,—въ домахъ никого не осталось,—я
кругомъ себя слышалъ:

— Одолѣмъ!.. Теперь возмѣмъ!.. Теща
черь отъ «насъ» не вывернется.

Это отъ «насъ»—отъ бабъ съ ребятиш-
ками, отъ безоружныхъ мужиковъ съ мо-
роженными носами, отъ такой же без-
оружной молодежи.

Офицеры изъ силь выбивались, расчи-
щая мѣсто для солдатъ съ винтовками,
готовившимися съ серьезными лицами къ
бою:

— Товарищи, да куда вы лѣзете!.. уход-
ите... вѣдь люди къ бою готовы. Сей-
часъ начнѣтъ вѣсъ поливатъ пѣтъ пулеметовъ,
всѣхъ устѣльть по мостовой.

А изъ-за стѣнъ кремля нѣмо глядѣли
на народныя толпы чёрнѣющія, окна,

каждую минуту готовы брызгнуть пуле-
метнымъ огнемъ, но никто и не шевѣ-
нулся.

Тутъ не было «они»—революціонеры, и
«мы»—обыватели, тутъ были только
«они»—слуги правительства, и «мы»—
все населеніе Москви.

— Кабы можно было, «они» и воздѣлъ
то у насъ отишли бы,—говорить баба, по-
хлопывая по оттопырившему съ ребен-
комъ тулу.

— Господи, пили, пили у насъ кровь, до-
сыта напились, назадъ полѣзло.

— Да мы у нихъ, какъ животная бы-
ли,—говорить солдатъ съ перевязанной
рукой, вглядываясь въ чёрнѣющія окна
арсенала,—хуже животныхъ, просто можи
не стало. Гляди, полоскать зачнѣтъ иль
арсенала. Поди и на крыши пулеметы на-
ставлѣны.

Опасность разстрѣла все сгущалась, но
никто не думалъ уходить, ибо это было
«наше» дѣло, всѣхъ «насъ».

И если бы дѣйствительно начались раз-
стрѣлы, люди стали бы падать на мосто-
вую, но улицы и площади все также ки-
пѣли на народомъ.

И, когда я бородилъ по безконечной тол-
пѣ, по безконечнымъ московскимъ ули-
цамъ, я опять слышалъ: